

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ. ПИСЬМО БЕЗ ОТВЕТА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Хроники забытых фонарей.
Письмо без ответа**

«Автор»

2026

Северина А.

Хроники забытых фонарей. Письмо без ответа / А. Северина —
«Автор», 2026

В городе Североград героиня Ася Лесина сталкивается с старой семейной договорной магии. Ей помогает и одновременно препятствует Никита Северин. Главный объект этой книги: «Хроники забытых фонарей. Письмо без ответа». Центральный вопрос: позволительно ли использовать чужое согласие ради общей безопасности?

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Хроники забытых фонарей.

Письмо без ответа

Глава 1. Наследство или письмо

У нотариуса пахло мокрой шерстью, горячей пылью и чернилами. Ася Лесина сняла перчатки и положила их на колени, чтобы не оставить на столе капель с рукавов. За высоким окном Североград расплывался в сером дожде: крыши, провода, фонари, ещё не зажжённые в этот ранний час.

— Вы уверены, что письмо адресовано именно мне? — спросила она.

Нотариус, сухой мужчина с аккуратной бородкой, проверил бумагу, хотя уже делал это дважды.

— Имя совпадает. Фамилия совпадает. Завещание составлено вашей бабушкой, Марией Лесиной, зарегистрировано и заверено надлежащим образом. Вам передаётся содержимое квартиры на улице Медников, включая бумаги, перечисленные в приложении. Отдельно — вот это.

Он подвинул к ней небольшой плоский футляр, обтянутый потемневшей тканью. На крышке темнел круглый след, словно прежде там лежала печать.

— И письмо, — добавил нотариус. — Оно не является частью завещания. Бабушка просила вручить его лично вам.

Ася не сразу коснулась футляра. Последний раз она видела бабушку три года назад, у больничного окна. Мария тогда говорила о бытовых вещах: кому достанется сервиз, где лежат квитанции, почему надо заменить замок в кладовой. Ни слова о наследстве, ни слова о каком-либо футляре.

— Почему письмо нельзя было отправить раньше?

— Я не могу отвечать за волю покойной, — ровно сказал нотариус. — Могу только передать её распоряжение.

В этом был смысл его работы, и Ася не стала спорить. Она умела читать документы и знала, сколько бед начиналось с чужого «я думал, так будет лучше». Письмо лежало в конверте из плотной кремовой бумаги. На нём её имя было выведено знакомым почерком, с длинной перекладной у «т» и нажимом, продавившим бумагу.

Ася вскрыла конверт ногтем.

«Ася. Если ты читаешь это, значит, я не успела объяснить лично. Не отдавай футляр тому, кто попросит открыть его ради общего блага. Найди опись к “Хроникам забытых фонарей. Письмо без ответа”. Проверь, что именно пропало. Не соглашайся за других. Даже если тебе скажут, что иначе пострадают все».

В конце стояла подпись и дата, почти годичной давности.

Ася перечитала письмо, затем подняла глаза.

— Что за «Хроники»?

Нотариус покачал головой.

— В приложении к завещанию есть перечень семейных бумаг. Возможно, архивное название.

Он не выглядел человеком, который скрывает ответ. Скорее человеком, которому неприятно, что ответ существует, но не относится к его компетенции.

Футляр оказался заперт маленьким латунным замком. Ася попробовала нажать на крышку, но та не поддавалась. На замке не было ни скважины, ни видимого механизма. Только

три вдавленные линии, пересекавшие металл, и крошечный знак в центре — похожий на фонарь с короткой ручкой.

— Это тоже передаётся мне? — спросила она.

— Всё перечисленное в акте.

— А если содержимое связано с каким-то обязательством?

Нотариус поджал губы.

— Тогда вам следует выяснить это до того, как принимать решение. Но право собственности уже оформлено. Вы можете отказаться от имущества, если пожелаете.

Ася убрала футляр и письмо в сумку. Отказываться от неизвестности было бы приятно, но неразумно. Она подписала акт, забрала копии и вышла под дождь.

На улице её ждал Никита Северин.

Он стоял под козырьком соседнего дома, без зонта, в тёмном пальто, с влажными волосами, прилипшими ко лбу. Ася узнала его по фотографиям в старом семейном альбоме и по нескольким сухим письмам, полученным после смерти бабушки. Они встречались однажды, много лет назад, но тогда Никита был мальчишкой и почти всё время смотрел в пол.

— Ты знала, что я приду? — спросила Ася.

— Нет. Я узнал, что нотариус передаёт тебе вещи Марии Лесиной. Решил, что лучше поговорить до того, как ты откроешь футляр.

— Почему?

— Потому что не всякое наследство безопасно.

— Это предупреждение или просьба?

— Пока предупреждение.

Он не протянул руки к её сумке. Ася отметила это и не позволила себе считать жест доказательством добрых намерений.

— Что ты знаешь о письме?

Никита перевёл взгляд на её лицо.

— О каком?

— «Хроники забытых фонарей. Письмо без ответа».

Его молчание длилось недолго, но оказалось достаточно долгим, чтобы ответить на другой вопрос.

— Значит, ты знаешь.

— Знаю название. Не знаю, что именно тебе досталось.

— А кто просил тебя прийти?

— Никто.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что пропажа уже случилась. И первым пострадал человек, который ни о чём не просил.

В голосе Никиты не было ни драматического нажима, ни удобной уверенности. Только усталость, которую Ася не могла объяснить и не собиралась принимать за правду.

— Имя, — сказала она.

— Павел Корнеев. Он хранитель семейного архива. Сегодня утром его нашли в читальном зале. Жив, но не помнит последние несколько часов. Из закрытого шкафа исчезла опись к «Письму без ответа».

— Ты говоришь так, будто уже решил, что это связано с моим футляром.

— Я говорю, что совпадение стоит проверить.

— А если проверка потребует от меня согласия на что-то?

— Тогда ты должна сначала узнать, на что именно соглашаешься.

Дождь постукивал по козырьку. Ася почувствовала в сумке жёсткий край футляра, прижатый к боку. Бабушкино письмо словно прибавило в весе.

— Покажи мне Корнеева, — сказала она. — И все документы, которые касаются пропажи.

Никита кивнул, но не двинулся с места.

— Есть ещё одна вещь. В архиве считают, что для поиска надо восстановить старое разрешение. Подписать его должна ты.

— Разрешение на что?

— Я пока не знаю.

Ася застегнула сумку.

— Тогда сегодня никто ничего не подписывает.

— Согласен.

Он сказал это сразу, без попытки переубедить её. Они направились к остановке, держась на расстоянии, которое оставляло каждому возможность передумать. У самого перекрёстка Никита замедлил шаг.

— Ася, я однажды уже подписал такое разрешение, не разобравшись, кого оно затронет.

Она посмотрела на него.

— И что случилось?

— Человек заплатил за мою уверенность.

Трамвай подошёл с лязгом и раскрыл двери. Никита не стал добавлять ничего, а Ася не стала просить смягчить признание. Она вошла первой, выбрала место у окна и положила сумку рядом, не выпуская ручку из пальцев.

Теперь наследство было не просто футляром и бумагами. За ним тянулась пропажа, а рядом с ней — чья-то память, оборванная в запертом архиве. И прежде чем решать, кому доверять, Ася собиралась выяснить, что именно исчезло и кто уже успел распорядиться чужим согласием за неё.

В трамвае пахло мокрой шерстью и нагретой пылью. Ася держала сумку на коленях, прижав ладонь к застёжке. Никита стоял у двери и не пытался заговорить. На поворотах его качало, но он всякий раз удерживался за поручень, не приближаясь к ней.

Североградский семейный архив занимал два этажа бывшей купеческой управы. Над входом ещё сохранялась каменная гирлянда, обветренная до такой степени, что листья можно было принять за языки пламени. Ася бывала здесь раньше — приносила заверенные копии для клиентов, однажды помогала разобрать бумаги после протечки. Тогда в коридоре пахло клеем и старой бумагой. Сегодня к запаху примешивался резкий дух мокрых пальто.

Никита пропустил её вперёд. За стойкой сидел мужчина в жилете поверх рубашки, с серебряной цепочкой часов на груди. Он поднял голову, увидел Никиту и сразу нахмурился.

— Северин. Я сказал: без посторонних.

— Ася Лесина — наследница семьи Лесиной. Её имя стоит в старом разрешении, которое мы собирались восстановить.

— Я ничего не собирался восстанавливать, — сухо ответил мужчина. — Я передал просьбу архивного совета.

— Тогда передали без объяснений, — сказала Ася. — И до тех пор, пока я не увижу документы, разговора о подписи не будет.

Мужчина разглядывал её так, словно пытался определить, насколько долго она продержится в этом здании. Потом протянул руку.

— Григорий Руднев. Заведующий архивом.

Ася пожала её и назвала себя. Руднев достал из ящика пропуск, заполнил графы аккуратным почерком и задержал ручку над последней строкой.

— В читальный зал? Или к Корнееву?

— Сначала к Корнееву. Потом — к документам о пропаже. Отдельно, не вперемешку.

— Он не сможет рассказать вам о шкафе. Врач велел не утомлять его вопросами.

— Хорошо. Значит, не будем его утомлять.

Она подождала, пока Руднев поставит печать на пропуске. Тот сделал это с такой силой, что стол под бумагой скрипнул.

Павла Корнеева устроили в комнате для сотрудников, где обычно разбирали новые поступления. Он сидел у окна, укрытый пледом до пояса, и пил чай маленькими глотками. На виске темнел след от удара, под правым глазом расплывался синяк. Увидев вошедших, он поставил чашку на блюдце.

— Я же сказал, никого из совета.

— Это не совет, — ответил Руднев. — Госпожа Лесина. Она связана с делом.

Корнеев перевёл взгляд на Асю.

— С каким именно?

— С пропавшей описью. Но я не буду просить вас вспоминать то, чего вы не помните. Хотела узнать, можно ли увидеть вашу руку.

Корнеев растерянно посмотрел на Никиту. Тот не пояснил за неё и не вмешался. Ася достала из сумки перчатки, но пока не надела.

— Мне сказали, что вы потеряли несколько часов. Мне важно понимать, не повредили ли вам руки. Если вы не хотите показывать — не нужно.

Корнеев медленно вытянул левую кисть. На ладони, у основания большого пальца, проступила тёмная полоса, будто кожу прижали к горячему металлу. Не волдырь и не порез — ровный след в форме узкого кольца, разорванного у запястья.

Ася не коснулась его.

— Это случилось сегодня?

— Не знаю. Проснулся уже с ним. Мне сказали, что я упал.

— Вы помните, что делали перед тем, как потеряли время?

Он нахмурился, и Руднев шагнул ближе.

— Доктор просил не—

— Я не спрашиваю о пропаже, — перебила Ася. — Можно не отвечать.

Корнеев посмотрел на свою руку.

— Я закрыл шкаф. Потом... кажется, услышал звон. Не колокольчик. Металл о металл. А дальше не знаю.

— В комнате был кто-нибудь ещё?

— Нет. То есть... — Он прищурился, будто пытался рассмотреть что-то вдали. — Дверь была закрыта, когда я пришёл в себя. Замок целый. Ключ лежал у меня в кармане.

— Вы сами запирали шкаф?

— Каждый вечер. Но не вчера. Вчера я разобрал опись.

Руднев резко поправил:

— Вы говорили, что закончили её накануне.

— Я говорил, что закончил сверку. Не опись. Там не совпадали номера вложений.

Ася перевела взгляд на заведующего.

— В отчёте сказано, что исчезла опись к «Письму без ответа».

— Именно.

— А вы уверены, что пропал документ, а не отдельный лист из него?

Руднев сжал губы.

— Шкаф пуст.

— Весь?

— Папка пустая.

Корнеев поставил чашку. Чай дрогнул у края.

— Папка не была пустой. Я оставил там вкладыш с контрольными отметками. На нём не было названия письма.

— Какого размера? — спросила Ася.

— Вдвое меньше обычного листа. Серый, с дыркой от старой скрепки. Я положил его под обложку.

— Вы видели его после того, как шкаф заперли?

— Нет. Но до этого он был там.

Руднев поджал рот, однако возражать не стал. Ася убрала обратно перчатки, которыми так и не воспользовалась.

— Мне нужны журнал доступа, запись осмотра шкафа и копия отчёта. Не подлинники. И я хочу знать, кто первым обнаружил Корнеева.

— Архивный сторож, — сказал Руднев.

— Имя?

— Матвей Глинский. Он сейчас на посту.

— Тогда я поговорю с ним отдельно.

Никита до этого молчал. Теперь он шагнул к столу.

— Ася, журнал доступа ведётся вручную. Его не дадут без распоряжения совета.

— Я не прошу унести журнал. Я прошу посмотреть записи.

— Совет может счесть это вмешательством в расследование.

— А ты можешь объяснить, почему?

Он выдержал её взгляд, затем повернулся к Рудневу.

— Я внесу запрос на месте. Под свою ответственность.

— Ты уже вносил запросы под свою ответственность, — сказал Руднев. — Нам всем известно, чем это кончилось.

Никита не отвёл глаз. Только на скулах обозначилось напряжение.

— Поэтому я и не прошу её подписывать ничего, чего она не читала.

Фраза была обращена к Рудневу, но Ася услышала в ней и другое: Никита понимал, как легко заботу превратить в давление, если заранее решить, что цель оправдывает средства.

В комнате стало тихо. Корнеев снова взял чашку обеими руками.

— Если найдёте серый лист, не отдавайте его совету, — сказал он. — Там были не только номера. Я записал, что именно не сходится.

— Вы помните, что записали?

— Нет. Но помню, что записал сам. Это хотя бы что-то.

Ася кивнула. Не обещая ни сохранить лист, ни передать его. Сначала его следовало найти.

Руднев провёл их к служебному коридору и отпер дверь в читальный зал. На столе у стены уже лежала раскрытая папка. Внутри виднелись две ровные полосы пыли и прямоугольник, где бумага недавно закрывала столешницу. Рядом стояла деревянная коробка с металлическими уголками — футляр для старых опечатанных дел.

Ася остановилась у порога.

— Кто открывал папку после происшествия?

— Я, — признал Руднев. — Проверил, что она действительно пуста.

— Кто ещё?

— Никто.

Никита посмотрел на пятно пыли, потом на коробку. Ася проследила за его взглядом. На крышке не было ни названия, ни номера. Только в углу темнел круглый след от давно снятой печати.

— Эту коробку вы осматривали? — спросила она.

Руднев нахмурился.

— Она не относится к пропавшей описи.

— Я не спрашивала, относится ли. Я спросила, осматривали ли.

Заведующий промолчал.

Ася не прикоснулась к крышке. Она записала номер коробки, выбитый на внутренней кромке стола, и попросила Руднева внести в акт, что предмет находился в читальном зале до её прихода. Он возразил, что коробка здесь стояла всегда. Тогда Ася попросила зафиксировать и это.

Руднев нехотя достал блокнот.

Пока он писал, Никита тихо сказал:

— Ты увидела что-то?

— Я увидела, что никто не может объяснить, почему эта коробка не упоминается в отчёте.

— Возможно, это просто старая тара.

— Возможно. Но теперь она есть в акте.

Крышка оставалась закрытой. Ася не собиралась превращать подозрение в доказательство одним движением руки. Когда Руднев закончил запись, она прочитала каждую строку, потребовала исправить слово «обнаружена» на «находилась» и поставила рядом подпись лишь под тем, что действительно видела.

Из архива они вышли уже после того, как дождь перешёл в мелкую морось. Никита придержал дверь, но не предложил проводить её и не спросил, что она собирается делать дальше.

Ася достала из сумки футляр. На внешнем боку обнаружилась тонкая насечка — короткая черта и две точки. Та же отметка была выбита на внутренней кромке стола у коробки.

Никита заметил её лицо.

— Что?

Ася помедлила с ответом.

— Пока ничего, что можно назвать доказательством.

— А что можно?

— То, что Корнеев помнит серый лист, которого нет в отчёте. И что заведующий не ответил на вопрос, осматривал ли коробку.

Она убрала футляр обратно и застегнула сумку. Теперь у неё было не только чужое письмо и чужое разрешение, но и первая зацепка, которую можно было проверить без всякой магии. А Павел Корнеев, сам того не желая, оказался единственным человеком, способным подтвердить, что именно исчезло из шкафа.

Дождь успел намочить край пальто, пока Ася искала в сумке записную книжку. Она нашла её не сразу: футляр с письмом лежал сверху, и каждый раз, когда пальцы задевали его гладкий бок, ей вспоминалась тонкая насечка — черта и две точки.

Никита остановился рядом, под козырьком архива.

— Корнеев сейчас в управлении, — сказал он. — По средам он дежурит в читальном зале до закрытия.

— Сегодня не среда.

— Он мог задержаться. После происшествия его попросили составить объяснение.

Ася закрыла сумку.

— Ты знаешь, где он?

— Могу узнать.

— Не надо. Я сама позвоню.

Никита кивнул, не обидевшись, и отошёл на шаг. Между ними осталась узкая полоска мокрого тротуара.

Ася набрала номер из справочника. Пока шли гудки, она успела решить, что разговор по телефону ей не подходит: Корнеев уже однажды сказал лишнее, а потом испугался собственных слов. В трубке ответил усталый женский голос.

— Павел Корнеев слушает, — произнесла женщина, прикрыв микрофон ладонью.

Через секунду Корнеев взял трубку.

— Это Лесина. Мы говорили сегодня в архиве.

Пауза.

— Помню.

— Мне нужно уточнить, что именно вы видели в шкафу перед пропажей описи.

— Я уже всё сказал заведующему.

— Не всё. Вы упомянули серый лист, которого нет в отчёте.

Он снова замолчал. Ася слышала, как на том конце тихо постукивают по столу — вероятно, ручкой.

— Вы сейчас в архиве?

— Нет. В управлении.

— Я могу подъехать.

— Не нужно.

— Тогда скажите, где мы можем встретиться.

Корнеев тяжело выдохнул.

— У служебного входа. Через десять минут. Только без Северина.

Ася посмотрела на Никиту. Тот не пытался прочитать её лицо, но и не делал вид, что не заметил.

— Хорошо, — ответила она. — Я буду одна.

Она убрала телефон.

— Он согласился встретиться, — сказал Никита.

— У служебного входа. Просил без тебя.

Никита глянул на часы.

— Я подожду здесь.

— Не нужно ждать.

— Я не собираюсь вмешиваться. Просто останусь рядом, если разговор пойдёт не так.

— Если разговор пойдёт не так, я уйду.

— Верю.

В его голосе не было ни досады, ни показного великодушия. Только признание её права решать самой. Ася отвернулась первой.

До управления она дошла быстро. Корнеев уже ждал у боковой двери, застегнув пальто до самого горла. В руке он держал сложенный вчетверо лист. Не документ — обычный клочок бумаги, оборванный по краю.

— Вы принесли записи? — спросила Ася.

— Я принёс то, чего не должен был уносить.

Он не протянул лист, и Ася не стала тянуться за ним.

— Откуда он?

— Из шкафа. В тот день. Я заметил его за папкой, когда проверял опись.

— Почему не внесли в акт?

— Потому что на листе было моё имя.

Корнеев развернул бумагу. На ней стояли короткие строки, написанные выцветшими чернилами. Его имя было вписано в графу рядом с датой, а ниже — отметка о выдаче серого листа. Не в читальный зал, не на руки посетителю. Внутреннее перемещение.

Ася прочитала запись дважды.

— Вы забирали его?

— Нет.

— Тогда кто мог указать вас?

— Тот, у кого был доступ к журналу. Или тот, кто хотел, чтобы я решил, будто это моя вина.

— Вы решили?

— Я решил, что если скажу заведующему, он первым делом спросит, почему я вынес бумагу. А потом — почему не сообщил сразу. У меня уже было предупреждение за опоздание с отчётом. Мне не хотелось потерять работу из-за листа, который никто не видел.

— Но вы всё-таки вынесли его.

Корнеев отвёл глаза.

— Я испугался, что его уничтожат. Или что его найдут у меня. Это было глупо.

— Это было решением. Теперь важно точно зафиксировать, что вы сделали.

— Вы собираетесь написать на меня?

— Я собираюсь записать ваши слова и приложить лист к акту. Вы сможете прочитать запись до подписи. И можете отказаться подписывать её.

Корнеев сжал бумагу так, что сгиб прошёл через имя.

— А если я откажусь?

— Тогда у меня останется только мой разговор с вами. Я не стану выдавать его за доказательство.

Он посмотрел на неё внимательнее, будто ожидал услышать другое.

— Вы не думаете, что мне лучше согласиться, чтобы всё это быстрее закончилось?

— Нет. Мне нужно ваше согласие на запись, а не на удобную для меня версию.

Корнеев медленно разгладил лист ладонью.

— Тогда записывайте.

Ася достала блокнот. Она указала время, место и состояние бумаги, спросила, когда именно он вынес её из архива и кто видел, как он это сделал. Корнеев отвечал неохотно, но последовательно. Он не помнил второго свидетеля, зато назвал сотрудницу канцелярии, которая заходила в читальный зал перед закрытием. Лист он положил в карман, когда вернулся за пальто, а потом спрятал дома между страницами старого справочника.

— Зачем вы принесли его теперь? — спросила Ася, закончив запись.

— Потому что вы не назвали меня виноватым до того, как выслушали. И потому что если этот лист настоящий, на нём записано, что его выдали по распоряжению.

— Чьему?

— Подпись смазана. Но внизу есть номер семейного дела.

Ася сверила его с тем, что помнила из архивной описи. Номер был не полным: несколько цифр стёрлись, однако начало совпадало с делом, к которому относилось письмо.

У служебной двери щёлкнул замок. Корнеев вздрогнул и машинально спрятал лист за спину.

— Не отдавайте его мне, — сказала Ася. — Пойдёмте вместе в канцелярию. Там составим акт передачи, а потом вы получите копию.

— А если они откажутся принимать?

— Попросим письменный отказ.

Он посмотрел на неё, затем на лист в своей руке.

— Хорошо.

Когда они вышли на улицу, Никита всё ещё стоял у угла, под дождевым козырьком соседнего здания. Корнеев заметил его и остановился.

— Я просил без него.

— Он не участвовал в разговоре, — сказала Ася. — И к вам не подходил.

Никита остался на месте.

Корнеев перевёл взгляд на Асю.

— Вы не собираетесь скрывать от него то, что я показал?

— Это решать вам. Пока вы согласились говорить со мной, а не с ним.

Корнеев опустил плечи. Он не убрал лист обратно в карман, но и не передал его Асе.

— Пусть будет так, — сказал он. — Сначала канцелярия.

Они направились к главному входу. На этот раз Корнеев шёл рядом с Асей, а не за её спиной. В деле появилось первое свидетельство, подтверждённое чужой рукой, и первая подпись, которую никто не мог поставить за другого.

В канцелярии пахло мокрой шерстью, сургучом и остывшим чаем. У стойки дежурила женщина с короткой стрижкой; перед ней лежала раскрытая книга входящих, а на краю стола сохла лужица от чьего-то зонта.

Корнеев остановился у порога. Лист он держал обеими руками, не позволяя ни дождю, ни чужому взгляду коснуться его.

— Нам нужен акт передачи, — сказала Ася. — С указанием, что документ принёс Корнеев, а не изъят из архива сотрудник.

Женщина посмотрела сперва на неё, потом на лист.

— Какой документ?

— Лист выдачи из семейного дела. Номер частично сохранился. Его обнаружили вне архива.

— Тогда сначала покажите удостоверение.

Ася достала служебную карточку. Женщина проверила её, не торопясь, и протянула руку к листу. Корнеев не двинулся.

— Я передам только по акту.

— Конечно, — сказала Ася. — Мы именно поэтому и пришли.

У женщины на лице появилось выражение человека, которому мешают закончить рабочий день, но спорить она не стала. Достала чистый бланк, положила перед Асей и повернула к себе книгу входящих.

— Заполняйте. Я зарегистрирую обращение. Сам лист оставите здесь до проверки.

— Нет, — сказал Корнеев.

Женщина подняла брови.

— Простите?

— В акте должно быть написано, кто и в каком состоянии его принял. И мне нужна копия сразу. Не завтра и не после того, как вы решите, что лист вообще существует.

Ася взглянула на него. Он говорил тихо, однако в голосе уже не было прежней просьбы о снисхождении. Только осторожность человека, которому слишком дорого обошлась однажды чужая уверенность.

— Это разумно, — сказала она. — Добавим опись состояния и описание видимых отметок. Печать канцелярии ставится на обоих экземплярах.

— Печать есть, — буркнула женщина. — Но на копии будет отметка о принятии, не удостоверение подлинности.

— Это нужно отдельно указать.

Они заполнили бланк втроем. Ася вписала неполный номер дела и перечислила то, что можно было разглядеть, не разворачивая сгиб: следы старой чернил, смазанную подпись, узкую полосу от печати внизу. Корнеев добавил, что лист хранился у него между страницами справочника и что утром он принёс его в архив. Когда женщина попыталась заменить слово «хранился» на «находился», он попросил вернуть первоначальную формулировку.

— Какая разница? — спросила она.

— Для вас, может быть, никакой. Для того, кто будет читать через год, разница есть.

Женщина пожала плечами и оставила его вариант.

Пока она ставила штамп, Ася заметила на стене доску с распоряжениями. В нижнем углу, под расписанием приёма, висела выцветшая бумажка с напечатанным номером семейного отдела. Тот же номер начинался на корнеевском листе. Дальше цифры на бумаге расплывались, но рядом оставалось место для даты и подписи ответственного.

— Это распоряжение действующее? — спросила Ася.

Женщина проследила за её взглядом.

— Старое. Номер отдела тогда был другой. Бумажку не сняли, всё руки не доходят.

— А книга входящих за тот год сохранилась?

— Часть в архиве, часть в хранилище. Вам нужна запись по этому делу?

— Пока не знаю. Но если лист выдачи оформлялся по распоряжению, должна быть запись о самом распоряжении.

— Должна, — подтвердила женщина и наконец поставила штамп на обоих экземплярах.

— Только это не значит, что она найдётся.

— Понимаю.

Корнеев проверил копию, сверил номер, дату и подпись. Лишь после этого он положил оригинал на стол.

— Я не отдаю его вам, — сказал он. — Я передаю его канцелярии на хранение до проверки. Это должно быть в акте.

— Так и написано, — ответила Ася.

Женщина накрыла лист прозрачной папкой и подписала клапан. Когда она потянулась за книгой входящих, из коридора донёсся быстрый шаг. В дверях появился мужчина в сером жилете, которого Ася видела утром у архивного отдела. Он остановился, заметив папку.

— Что здесь происходит?

— Принят документ от гражданина Корнеева, — сказала женщина. — Акт составлен.

— Какой ещё документ? — Мужчина обратился к Корнееву. — Вы же уже приносили лист. Мы договорились, что он будет проверен.

— Вы сказали, что поговорите с архивистом, — ответил Корнеев. — Не что заберёте его без квитанции.

Мужчина посмотрел на Асю.

— Лесина, вы ведь понимаете, что это может оказаться копией, сделанной кем угодно?

— Поэтому в акте указано только то, что мы установили сегодня. Подлинность пока не подтверждена.

— Тогда зачем оформлять передачу?

— Чтобы сохранить происхождение документа и не подменять проверку разговором.

Мужчина помрачнел. Он попросил женщину выдать ему папку, но та прикрыла её ладонью.

— Передача оформлена на канцелярии, — сказала она. — Я не могу отдать оригинал без новой записи.

На лице мужчины мелькнуло раздражение, а затем он сдержался. Ася заметила, что он не смотрит на Корнеева. Его взгляд всё время возвращался к смазанной подписи, видимой сквозь прозрачную папку.

— Вы понимаете, что теперь проверка займёт больше времени? — сказал он.

— Она займёт столько, сколько нужно, — ответила Ася. — Но не за счёт того, что свидетель останется без копии и без отметки о передаче.

Корнеев убрал заверенный экземпляр во внутренний карман пальто. Пальцы у него дрожали, но он не отступил.

— Я больше не буду обсуждать этот лист без записи, — сказал он. — Если у вас есть возражение, изложите его письменно.

Мужчина задержал на нём взгляд.

— Вы всё усложняете.

— Нет, — сказал Корнеев. — Раньше я позволил другому человеку сделать это за меня.

В канцелярии стало тихо. За окном дождь дробно бил по козырьку, и в этой паузе Ася услышала, как женщина перелистывает страницы книги входящих. Та нашла нужный год, провела пальцем по колонке и остановилась.

— Тут есть запись, — сказала она. — Дело передавали на временную сверку. Номер распоряжения совпадает по первым цифрам.

Ася подошла ближе, не касаясь книги.

— Дата?

Женщина назвала число. Оно было на два дня раньше даты, отпечатанной внизу листа.

— Запись о выдаче есть? — спросила Ася.

— Нет. Только передача дела из хранилища в семейный отдел. Получатель указан инициалами.

Корнеев побледнел.

— Чьими?

Женщина ещё раз посмотрела в книгу.

— Н. С.

Никита, до сих пор стоявший у двери, не изменился в лице. Только ладонь, лежавшая на краю подоконника, сжалась так, что побелели костяшки.

Мужчина в сером жилете тут же повернулся к нему.

— Северин, вы знали об этой записи?

— Нет, — ответил Никита.

— Но инициалы ваши.

— Инициалов в Северограде больше двух.

— Вы работали с семейными делами.

— Работал. И поэтому не буду утверждать, что это не я, пока не увижу полный журнал.

Ася посмотрела на него. Он не оправдывался, не просил поверить ему и не отводил взгляда от книги. На лице его проступило не удивление, а знакомая ей усталость человека, которому снова приходится стоять рядом со своей старой ошибкой, даже если пока неясно, где именно она начинается.

— Запись не доказывает, кто получил дело, — сказала Ася. — Но доказывает, что его перемещали. Нужно запросить журнал выдачи и распоряжение целиком.

— Запрос оформлю я, — сказал мужчина.

— Тогда внесите в него и эту запись, и номер листа. И укажите, что оригинал принят на хранение сегодня.

Он посмотрел на неё, словно собирался возразить, но в конце концов достал блокнот.

Корнеев открыл свой экземпляр акта и ещё раз проверил штамп. Теперь он держал его не как разрешение доверять канцелярии, а как возможность потребовать ответа, если канцелярия попытается забыть, что именно приняла.

— Мне надо идти, — сказал он. — Но я вернусь за копией распоряжения, когда вы её найдёте.

— Вас уведомят, — сказала женщина.

— Нет. Я приду сам.

Он попрощался с Асей кивком и вышел. Дверь за ним закрылась не сразу: доводчик медленно подтянул её, оставив на мгновение щель в серый мокрый двор.

Никита не пошёл следом.

— Ты узнаёшь эту запись? — спросила Ася.

— Нет. Но я узнаю, как легко чужие инициалы становятся удобным ответом.

— Если это твои инициалы, придётся выяснить, почему они стоят там.

— Да.

Он сказал это без вызова и без попытки приблизиться к ней. Ася убрала блокнот в сумку.

В деле впервые появилась запись, которую нельзя было объяснить только словами Корнеева. А рядом с ней — инициалы, способные обернуться обвинением, если кто-нибудь поспешит назвать их доказательством.

На улице дождь уже перестал, но вода всё ещё стекала с карнизов и собиралась в глубоких выбоинах двора. Ася застегнула пальто и вышла следом за Никитой. Он задержался у ступеней, пропуская её вперёд, но не предложил проводить.

— Ты собираешься искать журнал? — спросила она.

— Сначала выяснить, где он хранится и кто имеет право его запрашивать. Если я подам запрос сам, его могут принять за попытку прикрыть старую запись.

— А если подам я, скажут, что я не имею отношения к делу.

— Ты имеешь отношение к письму.

Он произнёс это так, будто различал документ и повод, а не пытался удержать её рядом. Ася оценила эту осторожность и всё же не стала облегчать ему задачу.

— Письмо пока не подтверждает, что журнал выдачи связан с ним.

— Не подтверждает. Но запись в книге появилась раньше распоряжения, которое мы видели. Это уже связь. Не доказательство, но достаточно, чтобы спросить.

Они спустились к воротам. Улица перед архивным корпусом была почти пустой; только у остановки женщина в зелёном платке держала над головой газету, хотя дождь кончился. Никита свернул не к трамвайной линии, а вдоль ограды, к низкому зданию семейного отдела.

— Туда нельзя без пропуска, — сказала Ася.

— Я знаю. Я не собираюсь входить. Там дежурный стол, и у них есть книга заявок на выдачу дел. Её можно посмотреть без доступа к самому хранилищу.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что когда-то работал в этом отделе.

В ответе не было ни гордости, ни оправдания. Ася не стала спрашивать, при каких обстоятельствах он ушёл. Не потому, что ей было всё равно, а потому, что это был отдельный вопрос, и сейчас она не хотела смешивать его с тем, который лежал перед ними.

В дежурной комнате пахло мокрой шерстью и старой бумагой. За стеклянной перегородкой сидел молодой архивист, шуплый, с рыжеватой полосой на рукаве от чернил. При виде Никиты он поднял голову.

— Северин?

— Добрый день, Павел. Мне нужна книга заявок на выдачу дел за прошлый месяц. Не сами дела, только записи.

Архивист помедлил, потом взглянул на Асю.

— Вы по делу Лесиной?

— По делу, где обнаружена запись о перемещении документа, — ответила она. — Мы не просим доступ к закрытым материалам. Нужны дата, номер и подпись получателя, если она есть.

— Вы имеете право смотреть такую книгу?

— Нет, — сказала Ася. — Но я могу попросить вас проверить, есть ли запись по номеру распоряжения. Если вы откажете, я внесу отказ в запрос на имя заведующей.

Павел посмотрел на Никиту.

— Ты теперь с ней работаешь?

— Я не работаю на неё, — сказал Никита. — И не прошу за неё. Проверь номер, если правила позволяют.

Архивист встал, скрылся за дверью и вернулся с толстой книгой в серой обложке. Он положил её на стол, но оставил ладонь на переплёте.

— Только нужные страницы. И я буду рядом.

— Разумеется, — сказала Ася.

Никита назвал номер распоряжения. Ася открыла книгу на нужной дате, сверила корешковую нумерацию и нашла строку. Получатель был обозначен инициалами: «Н. С.». В соседнем столбце стояло время, а в последнем — подпись, короткая и размашистая.

Она не стала читать её вслух. Сначала проверила дату, затем номер дела и отметку о возврате. В графе возврата было пусто.

— Это не полный журнал, — сказала она. — Здесь отмечена выдача. А где фиксируется возврат?

— В этой же книге, — ответил Павел. — Когда дело возвращают, ставят дату и подпись.

— Значит, оно не вернулось.

Архивист убрал ладонь с переплёта.

Никита наклонился, но не коснулся страницы.

— Можно увидеть подпись?

— Вы уже видите, — сказала Ася.

Она перевела взгляд с записи на Никиту. Лицо у него стало неподвижным. Подпись была не его. Слишком длинный росчерк, петля в середине фамилии, а главное — первая буква, выведенная по старой школьной привычке: Никита ставил короткий прямой штрих, без завитка.

— Это не моя подпись, — сказал он.

— Ты уверен?

— Да.

— Уверенность не заменяет сравнение.

Никита кивнул, словно именно этого ответа и ожидал.

— В моём личном деле есть подписи. Запросим образец.

Павел наклонился к книге.

— Тут написано «Н. С.», но фамилии нет.

— Номер дела совпадает? — спросила Ася.

Архивист проверил обложку, затем строку.

— Совпадает. Но я не могу выдать копию этой страницы без разрешения заведующей.

— И не нужно, — сказала Ася. — Зафиксируйте, что мы просили сверить запись. В запросе укажите дату, номер дела и отсутствие отметки о возврате. Отдельно попросим сохранить книгу до окончания проверки.

— Книгу никто не собирается уничтожать.

— Я не сказала, что собирается. Я прошу сохранить её в неизменном виде.

Павел прикусил губу, потом кивнул. Он записал просьбу на отдельном бланке. Ася проверила формулировку и попросила внести время осмотра. Только после этого поставила подпись.

Никита всё это время молчал. Когда они вышли из комнаты, он остановился у дверей.

— Если кто-то расписался за меня, это может быть старой ошибкой с моей стороны, — сказал он. — Я мог оставить доступ, не заметить, не закрыть дело.

— Ты мог. Но сейчас есть подпись другого человека.

— Подделанную подпись проще объяснить чужой ошибкой, чем моей.

— А если ты будешь заранее обвинять себя, это не сделает запись надёжнее.

Он посмотрел на неё внимательно, без обиды.

— Ты так же говоришь с Корнеевым?

— Если он начинает путать ответственность с виной — да.

— И со мной будешь?

— Если понадобится.

В его лице мелькнуло что-то похожее на облегчение, но исчезло прежде, чем Ася успела решить, верно ли прочла выражение.

Павел вышел из дежурной комнаты с листком.

— Я отправил уведомление заведующей. До ответа страницу не тронут. Но есть ещё кое-что: дело числится за семейным отделом, хотя в карточке стоит отметка о передаче в городское хранилище. Это несоответствие внесено не сегодня.

— Когда? — спросила Ася.

— Три недели назад.

— Кто его обнаружил?

Павел взглянул на экран своего компьютера.

— В карточке нет имени. Только код сотрудника.

— Можете назвать код?

Он помедлил.

— Могу. Но это не значит, что я могу раскрыть сотрудника без разрешения.

— Тогда внесите в нашу просьбу, что существует запись о несоответствии трёхнедельной давности, и попросите заведующую подтвердить автора кода, — сказала Ася. — Не устно. Письменно.

Павел снова кивнул и ушёл за перегородку.

Никита стоял у окна, глядя на мокрую стену соседнего корпуса.

— Кто-то обнаружил пропажу и не сообщил? — спросил он.

— Или сообщил по внутреннему каналу. Или исправлял карточку. Пока мы знаем только, что дело выдавали, а возврат не отмечен.

— И что на выдаче стоит не моя подпись.

— Пока — именно это.

Павел вернулся с номером кода, записанным на обороте бланка. Ася переписала его в свой блокнот, рядом с датой и временем осмотра. Внизу она отметила: «Подлинность подписи не установлена. Требуется сверка». Ей хотелось написать, что подпись чужая, но это было бы преждевременно. В документах лишнее слово иногда становилось прочнее факта.

— Теперь запрос, — сказала она. — И отдельно заявление о возможном незаконном удержании дела. Не обвинение конкретного человека. Сообщение о том, что документ не найден и отметки о возврате нет.

— Если подать такое заявление, начнут проверять всех, кто имел доступ, — сказал Никита.

— Да.

— В том числе меня.

— Да.

Он опустил глаза на бланк, который Павел положил на край стола.

— Ты не обязана подавать его сегодня.

— Я не обязана защищать тебя от проверки.

— Я не об этом.

— А я об этом. Если мы хотим найти дело, нужно допустить, что проверка коснётся и тебя. И что ты не станешь просить меня остановить её, даже если тебе будет неприятно.

Никита не ответил сразу. За окном по стеклу скатилась капля, оставив тонкую мутную дорожку.

— Не стану, — сказал он наконец.

Ася взяла чистый бланк. Пока она писала, Никита стоял рядом, не пытаясь взглянуть через плечо. Когда она закончила, он попросил копию для своего адвоката. Не для того, чтобы отозвать заявление, пояснил он, а чтобы у него был точный текст.

Это был первый раз за весь день, когда Ася увидела в его осторожности не закрытую дверь, а границу, которую он собирался соблюдать сам.

Она передала ему копию. Павел поставил на обоих экземплярах регистрационный штамп, а затем убрал оригинал в исходящую папку.

— Ответ заведующей будет завтра, — сказал он. — Раньше не обещаю.

— Не обещайте, — ответила Ася. — Просто отметьте срок рассмотрения.

На улице Никита спросил, куда она теперь.

— Домой. Мне нужно разобрать записи и составить перечень того, чего мы точно не знаем.

— Я могу прислать образец своей подписи.

— Не присылай. Его должны запросить официально, иначе потом скажут, что сравнивали не с подлинником.

Он коротко кивнул.

— Тогда завтра встретимся здесь?

— Если будет ответ.

— А если не будет?

— Тогда сначала узнаем, почему.

Ася пошла к остановке, унося в сумке блокнот с новым кодом. Впервые за день у пропажи появилось не только место, где её следовало искать, но и материальный след: выдача без возврата, подпись, не совпадающая с подписью Никиты, и давняя отметка, которую кто-то оставил, но не превратил в официальное сообщение. Теперь Никита оказался не просто человеком с инициалами в книге. Он стал участником проверки, в которой его честность не освобождала от доказательств, а его прошлое не могло заменить их.

Глава 2. Правило, которого не было

На следующий день Ася пришла в нотариальную контору за десять минут до назначенного срока. Ответа заведующей ещё не было. Это выяснилось сразу: нотариус посмотрел на пустой край стола, где обычно лежали входящие бумаги, и развёл руками.

— Я отметил срок рассмотрения, как вы просили. Но ответа пока нет.

— Тогда я отмечу, что его пока нет, — сказала Ася и раскрыла блокнот.

Никита ждал у окна. В руках он держал плоскую папку, перевязанную выцветшей тесьмой. На корешке проступали карандашные буквы: «Северин. Домовые бумаги».

— Это не образец подписи, — предупредил он. — И не документ из архива. Моя мать хранила папку дома. Я раньше не считал её важной.

Ася подняла глаза от блокнота.

— Что изменилось?

— Вчерашняя дата. И фамилия в книге выдачи. Я всю ночь вспоминал, где уже видел такое сочетание.

Она не попросила его торопиться. Никита сам развязал тесьму. Под ней лежали квитанции за ремонт, старый план участка и сложенный вчетверо лист сероватой бумаги. На сгибе темнело пятно воска, но печати не было.

— Мать собирала бумаги после смерти деда, — пояснил он. — Большинство оставила мне. Говорила: когда-нибудь пригодятся, если опять начнут менять границы.

— Кто именно менял?

— Городская управа. Переносили фонари, расширяли улицу, разбирали старые сараи. Дед не любил, когда люди спорили на память. Записывал всё.

Он подвинул лист к ней, не отпуская пальцев от края.

Ася прочла заголовок: «Обход фонарных точек, северный квартал». Ниже шли даты и короткие пометки. Запись, сделанная неровным почерком, стояла под числом, которое совпадало с датой выдачи книги из архива.

«Вечером у старой кладовой. Лесина принесла письмо. Не вскрывать до согласия второй стороны. Северин присутствовал. Слова о безопасности не считать согласием».

Ася перечитала последнюю фразу.

— Это написано вашим дедом?

— Почерк его. Я принёс квитанции, где он подписывался, если нужно сверить.

— Нужно. Но сначала — оригинал.

— Этот и есть оригинал.

— Тогда его не будем трогать без конверта. Нотариус может заверить копию, но не подтвердит, что запись сделана в тот день.

Никита убрал руку. Ася повернула лист к свету, не касаясь пятна воска. В этой бумаге не было доказательства выдачи или подделки. Зато она не позволяла свести случившееся к простой ошибке в журнале: кто-то принёс письмо к кладовой, кто-то знал условие, и слова о безопасности уже тогда пытались выдать за согласие.

— Вы сказали, что присутствовали, — произнесла она. — Ваш дед написал, что присутствовали вы.

Никита посмотрел на неё без попытки улыбнуться.

— Я был там. Мне было семнадцать.

— Вы помните письмо?

— Не помню, чтобы видел его. Помню разговор. Дед сказал, что кто-то из Лесиных отказался подписать договор.

— Кто-то?

— Он не называл имени. Я спросил, можно ли всё равно закрыть кладовую. Там хранились старые фонари, а в тот год несколько раз гасли сразу на всей улице. Он ответил: «Без согласия не тронем». А потом добавил, что людям иногда нужно время.

— И вы решили, что время им дали?

Никита задержал дыхание, словно хотел ответить быстро, но передумал.

— Я решил, что взрослые договорились между собой. Это было удобно. Кладовую всё-таки закрыли.

— Когда?

— Через несколько недель. Может быть, через месяц.

— Вы помните дату?

— Нет.

Ася записала его ответ дословно. Он не возражал.

В контору вошёл пожилой мужчина в промокшем плаще, придерживая под мышкой трость. Нотариус поднялся ему навстречу.

— Господин Воронцов, вы к заведующей?

— Она просила прийти, если появится кто-то из Лесиных. — Мужчина перевёл взгляд на Асю. — Вы внучка Марии?

— Да. А вы знали мою бабушку?

— Знал. И вашего деда, Никита. — Он кивнул Северину. — Только не думал, что вы ещё храните его бумаги.

— Это запись моего деда, — сказал Никита и показал лист, не выпуская из папки. — Вы помните тот обход?

Воронцов снял очки, вытер их сухим платком и снова надел.

— Помню, как мы стояли у кладовой. Нас было четверо. Я, ваш дед, Мария Лесина и городской мастер. Вы были мальчишкой, держались у двери.

— Письмо было? — спросила Ася.

— Был запечатанный конверт. Мария не отдала его деду. Сказала: сначала покажите, что именно вы собираетесь делать с кладовой. Не обещайте безопасность, если не можете её обеспечить.

Воронцов сделал паузу. В коридоре скрипнуло кресло, нотариус вернулся к столу.

— А что ответил ваш дед? — спросил Никита.

— Что договор не будет действовать, пока обе стороны не подпишут условия. Потом мастер принёс план, Мария ушла с ним. Я больше их вместе у кладовой не видел.

Ася не стала записывать слова как установленные факты. Она уточнила дату. Воронцов назвал её, сверившись с памятью неохотно, с долгими остановками. Она была на девять дней позднее даты из журнала выдачи.

— А закрыли её когда? — спросила Ася.

— После того, как сняли внутренний замок. Не сразу. Там ещё хранили инструменты управы. Я был против закрытия, но меня не спрашивали.

Никита побледнел не заметно, а так, как бледнеют от внезапного холода.

— Значит, дед всё же сделал это без подписи.

— Я не говорил, что он сделал. Замок сняли рабочие управы. Кто распорядился, не знаю. Ася записала и это. На этот раз Никита смотрел не на лист, а на собственные руки.

— Я могу подтвердить встречу, — сказал Воронцов. — Если вы оформите запрос, отвечу письменно. Но не просите меня утверждать то, чего я не видел.

— Не попросим, — сказала Ася.

Она спросила, где его можно найти, и записала адрес. Воронцов ушёл, оставив за собой запах мокрой шерсти и табака. Никита всё ещё держал папку раскрытой.

— Ваш дед мог помнить правило, — сказала Ася. — Или хотел, чтобы вы запомнили именно его слова.

— А закрытая кладовая?

— Пока неизвестно, кто распорядился и на каком основании.

— Но я стоял рядом и ничего не сделал.

— Вы были семнадцатилетним свидетелем, а не стороной договора.

— Это не одно и то же, что не иметь отношения.

Ася закрыла блокнот. Ей хотелось сказать, что вина не заменяет доказательств. Она сказала другое:

— Если вы помните ещё что-то, даже если это выставит вас не в лучшем свете, не решайте за меня, имеет ли это значение.

Никита кивнул. Он не обещал, что вспомнит, и не просил поверить ему.

Ася попросила нотариуса сделать опись папки и заверить копию записи, указав, что оригинал принадлежит Никите. Когда тот подписал заявление, его подпись не совпала с подписью в книге выдачи. Это не доказывало, кто взял книгу. Зато теперь у них был свидетель, дата встречи и запись, согласно которой никакое правило не отменяло согласия.

А вместе с ними — основание выяснить, кто закрыл кладовую и почему в архиве появилась подпись Никиты.

Нотариус убрал заверенную копию в конверт и протянул его Никите.

— Оригинал храните отдельно, — сказал он. — Если будете передавать кому-либо, только под расписку.

Никита спрятал конверт во внутренний карман пальто. Ася задержалась у стола, проверяя, не забыла ли блокнот. За окном дождь стал мельче, но не закончился: вода стекала по стеклу ровными дорожками, размывая противоположный дом.

— Адрес Воронцова у вас есть? — спросила она.

— Записал, — ответил Никита. — Он живёт за старой трамвайной линией.

— Тогда сначала отправим ему запрос. Письменное свидетельство весит больше, чем наш пересказ разговора.

— Он ведь согласился ответить.

— Согласился подтвердить то, что видел. Не больше.

Никита застегнул пальто. На мгновение показалось, что он хочет возразить, но он только посмотрел на конверт у себя на груди.

— Мне нужно сказать вам кое-что до того, как мы пойдём дальше.

Ася не двинулась к двери.

— Говорите.

— Я не просто стоял рядом с кладовой. Через несколько месяцев после той встречи дед попросил меня отнести мастеру бумаги. Я не помню, что именно было в папке. Помню, что на ней стоял старый знак семьи.

— Вы передали её?

— Да.

— Мастеру?

— Не знаю. Дед назвал фамилию, но я её забыл. Или не забыл, а не хотел помнить. Тогда мне казалось, что я помогаю ему уладить спор. Я ничего не спрашивал.

Ася раскрыла блокнот и записала дату, которую Никита назвал, а затем его слова — без выводов и догадок.

— Вы говорили об этом Воронцову?

— Нет. Я тогда ещё не вспомнил.

— Значит, теперь это отдельное свидетельство, которое нужно проверить. Оно не делает вас виноватым в закрытии кладовой. Но и не позволяет делать вид, что вы были только случайным свидетелем.

— Я и не пытаюсь.

— Хорошо. Тогда найдите дома всё, что сохранилось от деда: письма, описи, квитанции. Ничего не выбрасывайте и не пытайтесь восстановить по памяти то, чего не помните.

Никита кивнул. Они вышли из нотариальной конторы вместе, но под навесом остановились: Ася собиралась к остановке, он — в другую сторону. На улице пахло сырой листвой и угольным дымом. Вдоль бордюра двигались мутные ручьи, унося песок от недавно посыпанной мостовой.

— Я могу пойти с вами к Воронцову, — сказал Никита.

— Можете. Но сначала отправим официальный запрос. Если он сам назовёт то же самое письменно, разговор не станет менее важным.

— А если до ответа кто-нибудь успеет его предупредить?

— Кто-нибудь уже знает, что мы задаём вопросы. Это не причина отказываться от процедуры.

— Я понимаю.

Он сказал это ровно, но взгляд его задержался на окне нотариальной конторы. За стеклом служащий складывал бумаги в папку, не поднимая головы. Никита выглядел так, будто в любую минуту мог вернуться и вытащить из ящика ещё одно воспоминание.

— До завтра, — сказала Ася.

— До завтра.

Она успела дойти до остановки, когда зазвонил телефон. На экране высветилось незнакомое имя: «Е. Воронцов».

— Вы уже отправили запрос? — спросил он без приветствия.

— Нет. Мы уже вышли из конторы.

— Тогда не отправляйте. Я кое-что нашёл. Не у себя — в шкафу у покойной жены. Вчера разбирал её бумаги и увидел лист с адресом вашей бабушки. Она просила меня сохранить его, но велела никому не показывать, пока не придёт человек, который задаст правильный вопрос.

Ася оглянулась на улицу. Никита ещё стоял у нотариальной двери; заметив её взгляд, он направился обратно.

— Какой вопрос? — спросила она.

В трубке помолчали.

— Кто имел право закрыть кладовую?

Ася сжала телефон крепче.

— Я не задавала именно так.

— Значит, кто-то другой задавал. В листе написано: «Кладовую нельзя закрывать за тех, кто не был извещён о цене и сроке. Согласие одного хранителя не связывает остальных. Печать подтверждает присутствие, но не согласие». Это слова Марии. Я узнаю её почерк.

— Вы можете прислать копию?

— Не по телефону. Приезжайте. Только вдвоём и без людей из управы.

— Мы не обещаем скрывать встречу, если документ потребует регистрации.

— Я и не прошу. Но сначала посмотрите.

Связь оборвалась. Ася опустила телефон. Никита остановился рядом, не задавая вопроса, пока она не убрала аппарат в сумку.

— Воронцов? — спросил он.

— Да. Он нашёл лист, который оставила бабушка. Говорит, там есть её почерк и условие о согласии.

Никита побледнел снова, но теперь не отвёл глаз.

— Поедем?

— Сначала я запишу время звонка и его слова. Потом позвоню ему с рабочего номера и попрошу подтвердить встречу. Никаких оригиналов мы не забираем без описи.

— А если он откажется?

— Тогда зафиксируем отказ и продолжим через запрос.

Никита достал из кармана маленький блокнот и раскрыл на чистой странице.

— Записывайте, — сказал он. — Я тоже хочу, чтобы осталось, что именно он сказал, а не что мы потом решили услышать.

Ася назвала время. Он записал его аккуратными цифрами, оставив справа место для уточнений. Потом протянул блокнот ей.

Впервые после их встречи Никита не пытался объяснить прошлое. Он помогал сохранить его в таком виде, чтобы чужая память не могла незаметно стать доказательством. Ася поставила рядом подпись и дату. Бумага была тонкой, проступавшие с оборота строки мешали читать, но запись оставалась ясной.

Они договорились встретиться утром у нотариуса и отправиться к Воронцову после того, как тот подтвердит время письменно. Теперь у них был не ответ, но новое основание для проверки — лист Марии, который мог связать семейное правило с закрытием кладовой. И впервые за весь день Никита не стоял рядом с чужим прошлым, пытаясь угадать, что оно от него требует. Он сам попросил оставить его слова на бумаге.

Утром подтверждение от Воронцова пришло не письмом, а короткой запиской, доставленной через нотариальную контору. Он назначал встречу на одиннадцать, просил прийти без представителей управы и отдельно уточнял: лист покажет, но отдать его не сможет.

— Это разумно, — сказала Ася, перечитав записку. — Пока мы не знаем, кому он принадлежал и почему оказался у его жены.

Никита стоял у окна, держа в руках свой блокнот. На улице дождь ослаб, но с карнизов всё ещё стекали тонкие струйки.

— У меня есть независимое свидетельство, — произнёс он. — Оно не подтверждает содержание листа. Только то, что я не мог его придумать после нашего разговора.

Он раскрыл блокнот и вынул сложенный вчетверо листок, пожелтевший по сгибам. Ася не потянулась к нему.

— Что это?

— Квитанция из переплётной мастерской. Моя жена отдавала туда старые бумаги — просила укрепить обложку альбома. Здесь дата и её подпись. За неделю до того, как она заболела.

На обороте мастер записал, что вместе с альбомом принял «лист Марии Лесиной, не переплестать». Жена потом забрала всё сразу.

— Почему вы не показали это раньше?

— Потому что не знал, что именно ищут. И потому что боялся: если принесу бумагу, вы решите, будто я пытаюсь направить вас к удобному для себя объяснению.

— А сейчас не боитесь?

— Боюсь. Но молчание тоже направляет. Только незаметно.

Ася попросила разрешения сфотографировать квитанцию. Никита подвинул её к краю стола, не выпуская из пальцев. Снимок получился резким. Она записала название мастерской и номер заказа, затем вернула листок.

— Это проверяемо, — сказала она. — Позвоним мастеру после встречи. Не будем считать квитанцию доказательством того, что написано у Воронцова.

Он кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

До дома Воронцова они добрались к назначенному времени. Это был двухэтажный дом в старом квартале, за бывшей пожарной каланчой. На каланче давно не было колокола, зато над воротами по-прежнему висел фонарь с мутным стеклом. Днём он казался пустым и бесполезным, но на внутренней стороне дверцы виднелась новая полоска припоя.

Воронцов открыл не сразу. Сначала за дверью звякнула цепочка, потом он спросил, кто пришёл, хотя видел их в глазок.

— Ася Лесина и Никита Северин, — ответила Ася. — Мы договаривались.

Цепочка сдвинулась. Хозяин выглядел старше, чем звучал по телефону: узкое лицо, седые брови, на плечах домашний жилет. Он пропустил их в прихожую, но предложил оставить верхнюю одежду на вешалке.

— У нас холодно, — пояснил он. — Жена терпеть не могла, когда в комнатах было жарко. Привычка осталась.

На столе в кабинете лежали несколько папок. Воронцов заметил взгляд Аси и прикрыл их ладонью.

— Это семейные бумаги. К вашему делу отношения не имеют.

— Тогда достаточно убрать их в ящик, — сказала она. — Мы не будем их смотреть.

Он помедлил, потом всё же отодвинул папки. На стол поставил плоскую коробку из-под ниток, обычную картонную, с потёртым синим краем.

— Лист был в ней, — сказал Воронцов. — Жена хранила там мелочи для шитья. Я нашёл его, когда перебирал её вещи. Не знаю, почему Мария передала бумагу ей. Они не были подругами.

— Вы сказали, жена просила сохранить лист, — напомнила Ася. — Когда именно?

— Перед тем, как её увезли в больницу. Она была в сознании, говорила ясно. Сказала: «Не отдавай никому, пока не придёт тот, кто спросит про право закрыть кладовую». Я тогда решил, что это бред. Потом нашёл бумагу и понял, что она не перепутала.

— Вы помните дату?

Воронцов назвал число. Никита записал его, а Ася сверила с квитанцией. Между разговором и заказом в переплётной мастерской прошло четыре дня.

— Квитанция относится к жене Никиты, — сказала Ася. — Она не подтверждает, когда ваша жена узнала о листе.

— Я могу повторить только то, что слышал от своей жены, — ответил Воронцов.

— А о квитанции мы спросим мастера.

Воронцов достал из коробки тонкий лист и положил его на стол. Бумага была старая, но не ломкая. На ней шли две строки, написанные тёмными чернилами. Ася прочла их молча, потом наклонилась ближе.

«Кладовую нельзя закрывать за тех, кто не был извещён о цене и сроке. Согласие одного хранителя не связывает остальных. Печать подтверждает присутствие, но не согласие».

Под строками стояла подпись Марии Лесиной. Рядом — небольшой оттиск семейной печати: круг, перечёркнутый тремя лучами. У Аси похолодели пальцы. Такой же знак она видела на бумагах из бабушкиной квартиры, но там он стоял рядом с датами и фамилиями, без объяснения.

— Вы знаете, что это за печать? — спросила она.

— Нет. Жена называла её старым знаком семьи Лесиных. Говорила, что люди слишком долго принимали оттиск за обещание.

Никита посмотрел на строку о хранителе.

— Если один человек не мог дать согласие за остальных, кто тогда закрыл кладовую?

— Не знаю, — сказал Воронцов. — Но жена знала, кто подписал запись. Она произнесла имя перед больницей. Я не хотел сразу рассказывать, потому что не уверен, что правильно расслышал.

— Вы услышали это, когда она была в сознании? — спросила Ася.

— Да. Она сказала: «Северин поставил печать, а условия ему не показали». Потом уже ничего связного не говорила.

Никита побледнел, но не отвёл взгляда от листа.

— Я подписывал бумаги, — произнёс он. — Это не значит, что мне показали условия.

— И не доказывает, что не показали, — ответила Ася.

— Я понимаю.

Воронцов поднял лист за угол.

— Забирайте. Мне он больше не нужен.

— Нет. Мы не можем принять оригинал без описи и подтверждения, кому он принадлежит. Пока вы его храните, я составлю акт осмотра. Вы укажете, где нашли лист и кто имел к нему доступ.

— А если я не хочу связываться с управой?

— Тогда откажетесь подписывать акт. Но мы не будем делать вид, что бумага появилась сама собой.

Несколько секунд Воронцов смотрел на неё, потом сел.

— Пишите.

Ася внесла в акт дату встречи, описание листа, слова хозяина и то, что оригинал остался у него. Никита подписался свидетелем осмотра, не касаясь бумаги, пока Воронцов не повернул её к нему.

— Я не буду подтверждать то, чего не помню, — сказал он.

— И не нужно, — ответила Ася.

Когда они вышли на улицу, Никита задержался у ворот. Из кармана он достал квитанцию мастерской и долго держал её на ладони.

— Теперь моя фамилия рядом с печатью не просто слух, — сказал он.

— Теперь есть свидетельство, что ты мог подписать запись. И свидетельство, что условия могли от тебя скрыть. Это разные вещи.

— А если я всё-таки знал?

Ася не ответила сразу. Впереди, за мокрыми крышами, уже зажигались фонари, хотя день ещё не кончился.

— Тогда мы выясним, что именно ты знал и когда. Не потому, что я тебе верю или не верю. Потому что без этого нельзя понять, кто заплатил за закрытую кладовую.

Никита убрал квитанцию.

— Хорошо. Я сам запрошу копию своей записи.

— Только через нотариуса.

— Через нотариуса, — согласился он.

Они пошли к остановке. В папке у Аси лежал акт, но не оригинал; в блокноте Никиты оставалась дата мастерской, а на листе Марии впервые проступило правило, которое кто-то мог нарушить не случайно, а потому, что счёл чужое молчание удобнее чужого ответа.

До остановки они дошли молча. Никита первым нарушил тишину:

— Я знал, что у деда была мастерская на Заречной. Но о том, кто распорядился закрыть кладовую, он мне не говорил.

— Ты мог не запомнить всех подробностей, — сказала Ася.

— Мог. Только подпись в книге стоит уже после того, как я начал там работать.

Он достал из папки другую квитанцию — одну из дедовых бумаг о ремонте — и сверил дату с записью в блокноте. Бумага размокла по краям, но цифры сохранились. Ася не стала просить её. Никита сам протянул квитанцию, и она подставила под неё папку, чтобы не сгибать лист.

— Здесь дата ремонта фонарного кронштейна, — сказала она. — Не дата твоей подписи.

— Я понимаю. Но если мастерская получила заказ, в журнале должны быть и другие отметки. Я могу узнать, кто принимал работу.

— Можешь спросить, — поправила Ася. — Но не проси их подтвердить заранее то, что тебе нужно.

Он кивнул, чуть заметно поморщившись.

— Ты думаешь, я стану давить?

— Думаю, тебе страшно, что тебя сочтут виноватым. Это иногда заставляет людей торопиться с объяснениями.

Никита убрал квитанцию в конверт.

— А тебе не страшно, что окажется наоборот?

— Страшно. Но страх не должен выбирать за нас порядок проверки.

Подъехал трамвай. Они сели в разные концы одного ряда: Ася раскрыла блокнот, Никита смотрел в окно. На остановке у управы она вышла первой и придержала дверь, пока он доставал из кармана сложенный листок.

— Я запишу, кому звонил и что ответили, — сказал он. — Чтобы не пересказывать по памяти.

— Хорошо.

— Ты пойдёшь со мной?

— Если меня пригласят. Пока я не сторона в твоём запросе.

Он не стал спорить. В этом было что-то важное: не доверие ещё, но признание границы.

В управе им сообщили, что заведующая архивом примет их не раньше конца рабочего дня. Ася зарегистрировала просьбу о копии записи и отдельно указала, что Никита просит предоставить ему все страницы с упоминанием фамилии Северин, а не только лист с предполагаемой подписью. Сотрудница за стойкой прочла заявление и подняла брови.

— Обычно люди просят только нужную страницу.

— Нам нужна последовательность, — сказала Ася. — Иначе отдельная запись может выглядеть как доказательство того, чем она не является.

Никита поставил подпись под запросом.

— Если в книге есть соседние записи, я хочу видеть их тоже.

Сотрудница поставила входящий номер и вернула им копию.

— Ответ будет завтра. Если архивариус не найдёт оснований для отказа.

— Отметьте, пожалуйста, что заявление принято полностью, — попросила Ася.

Та сделала помету на копии. Ася проверила её и убрала бумагу в папку. Потом спросила у дежурного, где можно найти сведения о старых заказах на городские фонари. Он направил их в хозяйственный отдел, где хранились журналы подрядчиков.

Там пахло пылью и мокрыми пальто. Седая женщина за длинным столом выслушала Никиту и попросила его назвать годы, когда он работал в мастерской. Он назвал два, затем добавил, что в один из них несколько месяцев отсутствовал из-за службы.

— По фамилии деда я искать не буду, — сказала женщина. — У нас записи по номеру заказа и участку.

Ася положила на стол копию квитанции, не выпуская её из пальцев.

— Здесь указан участок, но не номер. Можно проверить журналы за этот месяц?

— Можно. Только сами листы вы не получите без запроса.

— Мы не просим выдавать. Просим сверить, есть ли запись и кто её оформил.

Женщина посмотрела на них поверх очков.

— Так бы сразу и сказали.

Она ушла в соседнюю комнату. Никита сел на край стула, не снимая пальто. Ася заметила, как он сжал руки между коленями.

— Если найдут заказ, это докажет только работу мастерской, — сказала она.

— А если заказ оформлял я?

— Тогда это подтвердит, что ты был там в этот день. Не то, что ты знал о кладовой.

— Ты всегда отделяешь одно от другого?

— Когда документы пытаются соединить за меня — да.

Женщина вернулась с большой книгой в тканевом переплёте. Она раскрыла её на закладке и провела ногтем по строчкам.

— Вот заказ. Кронштейн заменили, работу принял городской смотритель. Подрядчик — мастерская Северина. Исполнитель Никита Северин.

Никита наклонился к книге, но рук на стол не положил.

— Я не помню этот заказ.

— Подпись есть, — сказала женщина.

— Я не отрицаю, что работал. Я не помню, чтобы подписывал приёмку.

— Приёмку подписал смотритель. Здесь твоя отметка, что ты получил комплект деталей.

Ася попросила показать дату и соседние строки. Женщина перелистнула страницу назад, затем вперёд. Заказ был внесён за три дня до указанной в квитанции работы. Никакой кладовой или семейного соглашения в журнале не значилось.

— Запишите номер книги и страницы, — сказала Ася. — И имя смотрителя.

— Осипов. Он давно на пенсии. Живёт на Набережной.

Никита выпрямился.

— Я могу с ним поговорить.

— Можешь, — ответила Ася. — Но сначала спросим, согласен ли он встретиться. И не будем пересказывать ему слова Воронцова.

Женщина записала на отдельном листе адрес, затем закрыла книгу и убрала её в шкаф. Никита поблагодарил её. Уже на лестнице он остановился и достал свой блокнот.

— Значит, я действительно получал детали.

— Это независимое свидетельство твоей работы в мастерской, — сказала Ася. — Пока не свидетельство о печати.

— Но появляется человек, который видел меня тогда.

— И который может помнить только кронштейн.

— Этого хватит, чтобы проверить даты.

На улице дождь ослаб, но с крыш ещё падали редкие тяжёлые капли. Ася записала номер заказа и имя Осипова рядом с актом осмотра листа Воронцова. Теперь у них было подтверждение, что Никита находился в мастерской в нужный период, и адрес очевидца, которого предстояло расспросить без подсказанных ответов.

Никита посмотрел на страницу через её плечо.

— Я не знаю, чего больше боюсь: что Осипов меня вспомнит или что не вспомнит.

— Это не одно и то же, — сказала Ася, закрывая блокнот. — И ни одно из них пока ничего не решает.

Он задержал взгляд на ней, словно хотел спросить, останется ли она рядом, если следующая запись окажется хуже этой. Но не спросил.

— Завтра я подам запрос через нотариуса, — сказал он.

— А сегодня мы найдём Осипова и спросим, согласен ли он говорить.

Никита впервые за день убрал квитанцию, не проверив её ещё раз. Они свернули к Набережной, каждый со своей причиной идти дальше и с одинаковым пониманием: чужое согласие нельзя подставить вместо ответа, даже если от него зависит безопасность многих.

Набережная начиналась за старым рынком. Дома здесь стояли теснее, чем в центре, а между ними тянулись узкие проходы, где вода с крыш собиралась в лужи глубже мостовой. Ася шла, придерживая сумку под плащом. В блокноте лежали адрес Осипова, номер заказа и дата, которую они пока не могли ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Ты бывал у него после того заказа? — спросила она.

— Не помню. Если он был городским зрителем, мог принимать работу не один раз.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Никита сказал это без раздражения, но его пальцы сжались на ремне сумки. Ася не стала уточнять. Память не становилась надёжнее от нажима, а человек, который хотел бы скрыть прошлое, мог бы ответить увереннее.

Дом Осипова они нашли по номеру на угловой табличке. На первом этаже работала мастерская по ремонту часов; над ней, за занавесками с мелким узором, помещалась квартира. Никита позвонил. Пока за дверью шаркали, Ася достала блокнот и открыла страницу с вопросами, которые записала по дороге: когда Осипов видел Никиту, что именно тот делал, кто ещё присутствовал, какие документы подписывались.

Дверь приоткрылась на цепочку. В проёме показался пожилой мужчина в сером жилете, застёгнутом не на ту пуговицу.

— Вы Осипов? — спросила Ася. — Меня зовут Ася Лесина. Это Никита Северин. Мы нашли запись о ремонте фонаря, который вы принимали.

Старик прищурился, сперва на неё, потом на Никиту.

— Северин? Из мастерской на Зелёной?

— Да.

— А чего сейчас-то?

— Хотим уточнить, что вы помните о заказе, — ответила Ася. — Если вы не против поговорить.

Осипов посмотрел на неё внимательнее. Цепочка оставалась на месте.

— А вы кто ему?

— Никто, кто может отвечать за него.

Старик хмыкнул и снял цепочку.

— Тогда заходите. Только обувь вытирайте. Полы я утром мыл.

Квартира пахла сушёными яблоками и машинным маслом. На стене в коридоре висели часы с круглым циферблатом; секундная стрелка шла рывками, будто каждый шаг давался ей с усилием. Осипов провёл гостей в комнату и указал на два стула у стола.

— Рассказывайте, что за запись.

Ася не стала передавать ему заранее подготовленную версию. Она назвала номер книги, дату заказа и содержание строки: мастерская Северина получила комплект деталей для замены кронштейна. Приёмку, согласно журналу, подписал Осипов.

— Это было давно, — сказал он. — Но кронштейн помню. Фонарь стоял у старого склада, на углу Плотницкой. Его всё шатало от ветра.

— Вы помните, кто привёз детали? — спросила Ася.

— Не помню.

Никита сидел неподвижно.

— А меня? — спросил он. — Вы помните, что я был там?

Осипов посмотрел на него поверх очков.

— Не подсказывай.

— Я не подсказываю. Спрашиваю.

— Вот и хорошо. А то приходят через двадцать лет, хотят, чтобы им чужую память по заказу выдали.

Никита опустил глаза. Ася записала замечание Осипова, не смягчая его и не превращая в обвинение.

— Что именно вы приняли? — спросила она. — Детали, работу или оба этапа?

— Детали принёс мальчишка из мастерской. Или сам Северин, не ручаюсь. Работа была позже. Я проверил крепление, чтобы фонарь не упал кому-нибудь на голову, и подписал акт.

— В журнале получение деталей внесено за три дня до работы.

— Так бывает. Кронштейн не из воздуха берётся.

— В день приёмки Никита Северин присутствовал?

Старик покачал головой.

— Я сказал: не помню, кто привёз.

— Но вы уверены, что он был в мастерской, когда подписывали акт?

— Я не говорил, что уверен.

Ася отложила ручку. Никита медленно вдохнул, словно только теперь позволил себе услышать ответ.

— Тогда почему моя отметка стоит в книге? — спросил он.

— Какая отметка?

— Что я получил комплект. Вот запись.

Осипов протянул руку, и Ася повернула блокнот так, чтобы он мог прочесть переписанную строку. Он долго изучал её, шевеля губами.

— Я не видел эту страницу. Мне не показывали, кто расписался за детали.

— Вы видели подпись в акте приёмки? — уточнила Ася.

— Конечно. Мою.

— Только вашу?

— Там была ещё подпись мастера. За работу. Но сейчас не поручусь, чья. Акт лежал у меня недолго, потом я отдал его в управление.

Никита подался вперёд.

— Вы помните, что я подписывал?

— Нет.

В комнате стало слышно, как за стеной мастерской звякнул инструмент. Ася закрыла блокнот.

— Мы не будем просить вас угадывать. Если вас пригласят для официального объяснения, вы согласитесь прийти?

— Если позовут по правилам — приду. Но память у меня не станет лучше от печати на бумаге.

— Нам и не нужно, чтобы она становилась лучше, — сказала Ася. — Нужно, чтобы вы отделили то, что помните, от того, чего не помните.

Осипов кивнул, и на его лице впервые появилось одобрение.

— Вот это правильно.

Он поднялся и прошёл к шкафу у окна. Достал из ящика сложенный лист, потёртый по краям.

— Я тогда для себя записывал неисправности по участку. Не акт, просто список. На случай, если мне опять скажут, что фонарь упал из-за моей халатности. Тут дата осмотра и дата ремонта.

Ася не протянула руку.

— Можно посмотреть?

— Смотреть можно. Забрать — нет.

Он развернул лист на столе. Чернила выпвели, но цифры читались. Первичный осмотр был отмечен в день, предшествовавший заказу. Ремонт — на два дня позже даты, указанной в журнале выдачи деталей.

— Значит, детали получили после того, как заказ уже записали, — сказала Ася.

— Или записали не в тот день, — ответил Осипов. — В управлении такое бывало. Бумаги носили пачками, а даты ставили, когда руки доходили.

Никита провёл взглядом по строчкам.

— Вы помните, кто принёс детали?

— Нет. И не буду придумывать.

— А подпись мастера в акте могли переписать в журнал?

Осипов нахмурился.

— Могли переписать что угодно. Но я не видел, чтобы переписывали. Я подписал приёмку, потом отнёс бумаги в управление. Всё.

Никакого доказательства подделки у них не появилось. Зато запись, которая прежде выглядела подтверждением присутствия Никиты, теперь оказалась привязана к дате, не совпадавшей с личными заметками Осипова. Ошибка могла быть канцелярской. Могла быть и намеренной. Одного его воспоминания было недостаточно, чтобы выбрать между этими версиями.

Ася переписала даты и попросила Осипова расписаться рядом с записью о том, что он показал лист. Он прочёл формулировку дважды, добавил: «Оригинал оставлен у меня», и только тогда поставил подпись.

На лестнице Никита задержался у окна. Во дворе мальчишка в красной шапке пытался удержать дверь подъезда, пока пожилая женщина заносила сумку. Никита шагнул было вниз, но Ася уже придержала дверь с другой стороны. Он посмотрел на неё и не стал превращать это в благодарность.

— Значит, я мог принести детали, — сказал он, когда они вышли на улицу. — Но Осипов этого не помнит.

— Да.

— И подпись мастера была на акте.

— Он не подтвердил, что это твоя подпись.

— Но и не сказал, что не моя.

— Он сказал только то, что помнит.

Никита кивнул. В его лице проступила усталость, но теперь в ней было меньше стремления заранее вынести себе приговор.

Ася перечитала свои записи, сверила даты и поставила возле листа Осипова отметку: «Проверить оригинал в управлении; не считать свидетельством личности исполнителя». Независимое свидетельство оказалось уже, чем они надеялись, зато его границы были ясны.

— Ты хочешь продолжать? — спросила она.

Никита посмотрел в сторону улицы, ведущей к управлению городских работ.

— Хочу узнать, почему запись появилась раньше выдачи деталей. И кто решил, что моя отметка может это объяснить.

— Тогда сначала запросим оригинал акта и книги. Без выводов о том, кто виноват.

— Даже если ответ будет неприятным?

— Особенно тогда.

Они пошли к остановке, чтобы успеть в управление до закрытия приёмной. За спиной остался старый дом с неровно идущими часами. Ася убрала блокнот, зная, что у них появилось новое расхождение в датах и пока не появилось права на обвинение.

Глава 3. Цена первой ошибки

Управление городских работ занимало два этажа бывшей купеческой конторы. На лестнице пахло мокрым камнем и угольной пылью; у дверей приёмной уже собрались трое — женщина с корзиной, старик в форме сторожа и мальчик, который держал под мышкой свёрнутую жестянку. Ася сняла пальто, отряхнула рукав и подошла к окошку.

— Мы вчера подавали запрос на оригинал акта и книги выдачи, — сказала она. — На имя Лесиной. Вот номер регистрации.

Служащая за стеклом сравнила номер с листком у себя на столе.

— Архивист сейчас занят. Подождите в коридоре.

— Сколько?

— Не знаю.

Ася не стала спорить. Она записала время и попросила поставить на её копии отметку о явке. Служащая вздохнула, но печать поставила. Никита наблюдал за ней, держа папку под локтем.

— Ты всегда так? — спросил он, когда они отошли от окошка.

— Как?

— Сначала отмечаешь, что тебя задержали, потом ждёшь, пока задержат ещё раз.

— Если я не отмечу, потом останется только чужая память о том, сколько мы ждали.

Он ничего не ответил. Достал из кармана сложенный вчетверо лист, разгладил его большим пальцем. Это была копия его заявления, поданного много лет назад, когда он работал при управлении помощником мастера. Ася уже видела её в конторе, но теперь заметила на полях короткую приписку: «Материал принят на временное хранение».

— Ты уверен, что это про те детали? — спросила она.

— Нет. Поэтому и принёс.

— Тогда пока не будем соединять это с выдачей.

— Я знаю.

В голосе Никиты не было обиды, только напряжение. Он берёт бумагу так, будто она могла обжечь ему пальцы.

Из архивного коридора вышел мужчина с серой бородой и чернильным пятном на манжете. Он назвал себя Корнеевым, архивистом, и попросил следовать за ним. В комнате за дверью стояли металлические шкафы, а у окна — длинный стол с зелёным сукном. Корнеев разложил перед ними два тома в выцветших обложках и один тонкий лист, прижатый деревянной линейкой.

— Книгу выдачи я нашёл, — сказал он. — Акт не в деле. Есть карточка переноса в технический архив. Такие карточки не всегда сохранялись, но эта сохранилась.

— Что значит «перенос»? — спросила Ася.

— Что бумагу забрали из текущего дела. Обычно для сверки или копирования. Кто именно забрал — должно быть отмечено на обороте.

Он перевернул карточку. Под штампом управления шла строка: «Передано по требованию комиссии по городским сооружениям». Ни даты возврата, ни подписи получателя.

Ася достала блокнот.

— Номер дела?

Корнеев продиктовал. Она сверила его с реестром, затем указала на соседнюю графу.

— Здесь написано «фонарь у Рыбной улицы». А в книге выдачи — «складские детали для освещения». Это одно и то же дело?

Архивист наклонился к строкам.

— Это разные документы. Акт по фонарю у Рыбной улицы мог попасть в комиссию, а выдача деталей со склада учитывалась в отдельной ведомости. Относились ли они к тому же фонарю, нужно проверить по книге выдачи.

Никита подался вперёд.

— Тогда отметка о временном хранении относится не к выдаче?

— Не могу сказать. Ваш лист без номера дела.

— Но по дате совпадает.

Корнеев снял очки и протёр их краем платка.

— Совпадение дат — не основание скреплять бумаги. В тот день комиссия принимала много материалов. Если хотите установить связь, ищите регистрационный номер.

Ася поставила возле записи в блокноте черту. Первая догадка — что заявление Никиты и исчезнувшие детали были частью одной процедуры — оставалась неподтверждённой: на листе Никиты не было номера дела, а совпадения дат было недостаточно. Она ощутила короткое облегчение и тут же остановила себя: отсутствие связи между двумя листами ещё ничего не говорило о том, кто вынес детали и почему.

— Можно посмотреть книгу выдачи? — спросила она.

Корнеев развернул тяжёлый том на нужной странице. Строки были выведены ровным почерком, чернила в некоторых местах расплылись. За требуемой датой значились три позиции. Вторая — латунные крепления и стекло для фонаря у Рыбной улицы. В графе получателя стояло: «Н. Северин». Ниже — отметка о возврате стекла и двух креплений. На оставшиеся детали возвратной записи не было.

Никита побледнел, но не отвёл глаз.

— Это моя фамилия.

— Здесь указаны фамилия и инициал, — сказала Ася. — Не подпись.

— Я тогда забирал материалы для бригады, — ответил он. — Этого я не помню.

— Ты говорил, что не помнишь выдачи.

— Да. И не говорил, что её не было.

Корнеев положил рядом лист с расписанием бригады. В тот день Никита действительно числился на Рыбной улице. Документ был вшит в соседнее дело, с тем же регистрационным штампом и датой.

— Это подтверждает, что вы были на объекте, — произнёс архивист. — Не подтверждает, что лично приняли весь перечень. В книге отметка не заверена подписью мастера.

Ася перечитала строку, затем посмотрела на дату. На обороте страницы имелась запись о сверке, сделанная через две недели: «Недостача двух креплений и одного плафона». Под ней стояла подпись заведующего складом и печать управления.

Вот это было подтверждено: детали действительно не вернули, и недостачу зафиксировали официально. Но рядом не было ни имени виновного, ни распоряжения искать его. Только сухая отметка, после которой дело закрыли.

— Почему закрыли? — спросила Ася.

— Списали на износ и повреждение при монтаже, — сказал Корнеев. — Вот запись в итоговой ведомости.

Он нашёл нужную страницу. Основанием для списания служила короткая записка, подписанная заведующим складом. Ни акта осмотра, ни заключения мастера.

— Значит, неисправные детали списали как повреждённые, — сказала Ася. — Но отдельного подтверждения повреждения нет.

— В ведомости стоит печать.

— Печать подтверждает регистрацию документа, а не истинность каждой строки.
Корнеев помолчал.

— Формально вы правы.

Никита провёл пальцем по краю стола, остановившись у царапины в сукне.

— Если я тогда взял их, выходит, я мог отвечать за недостачу.

— Мог, — сказала Ася. — Но запись не доказывает, что именно ты получил все три предмета. И не доказывает, что унес их. Мы не станем заполнять пробелы удобным признанием.

— А если я всё-таки участвовал?

— Тогда это выяснится из других свидетельств. Не из того, что тебе стыдно.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло раздражение — не на неё, а на аккуратную границу, за которой нельзя было ни оправдаться, ни осудить себя разом.

Корнеев заверил копии, проставил номера страниц и записал, какие листы они просмотрели. Ася попросила указать, что акт по фонарю у Рыбной улицы находится в комиссии, а оригинал складской ведомости — в управлении. Архивист внес это в отметку.

На выходе Никита задержался у подоконника. Внизу, во дворе, рабочий катил тележку с ящиком инструментов. Колесо перескакивало через трещину в камне.

— Я помнил, что помогал бригаде, — сказал он. — Но не помнил, что в книге осталось моё имя.

— Теперь помнишь запись.

— А не день.

Ася убрала копии в папку, разделив их чистым листом.

— И это разные вещи.

Он кивнул, но легче ему не стало. На странице его фамилия соседствовала с недостачей, а в ведомости — с подписью человека, который списал детали без осмотра. Бумаги не оправдали Никиту и не обвинили его. Они лишь показали, что кто-то предпочёл закрыть недостачу, не устанавливая, куда исчезли вещи.

У дверей приёмной Ася остановилась и записала в блокнот: «Подтверждено: три позиции выданы по книге; возврат неполный; недостача официально установлена; списание без акта осмотра. Связь с заявлением Никиты не подтверждена».

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь запросим дело комиссии и установим, кто подписал списание. А ты попробуешь вспомнить не то, в чём виноват, а с кем работал и кто мог подтвердить выдачу.

Никита посмотрел на закрытый том в руках Корнеева.

— Если там окажется, что я забрал всё?

— Тогда будем иметь факт, с которым можно работать. Пока у нас его нет.

Они вышли на улицу. Дождь ослаб, но с карнизов ещё падали редкие капли. Никита шёл рядом, не предлагая ей взять папку и не отставая. Ася держала копии под пальто, чувствуя их плотные углы сквозь ткань. Новая запись добавила к старой истории не ответ, а цену: его имя действительно стояло рядом с недостачей, и теперь ни память, ни стыд не могли сделать эту строку безвредной.

До остановки они дошли молча. Никита первым нарушил тишину:

— Я помню бригадира. Фамилию — нет. Он был старше остальных, носил кожаный фартук и всегда просил не класть инструмент на землю.

— Это полезнее, чем догадка о том, кто унес фонари.

— Я понимаю. Просто от имени в книге до сих пор неприятно.

Ася не стала отвечать, что неприятное чувство ничего не доказывает. Он и сам знал. Она раскрыла блокнот и записала приметы, оставив рядом пустую строку для имени. Записывать воспоминание сразу было важно: не потому, что оно становилось истиной, а потому, что позднее память могла подстроиться под найденный документ.

Автобус подошёл, когда они уже закончили. Они решили вернуться в управление городских работ, чтобы подать запрос на дело комиссии. Ехать было недолго, но окна запотели, и за стеклом улица распалась на мокрые огни. Никита держал папку на коленях, не открывая её. Ася смотрела на свои записи: три выданные позиции, неполный возврат, списание без осмотра. Одна ясная строка не делала историю проще. Она лишь отнимала у них возможность сказать, будто недостатки вовсе не было.

В управлении пахло сырым деревом и угольной пылью. В приёмной за стойкой сидел молодой служащий с красными от холода ушами. Он выслушал Асю, проверил номер дела в журнале и сообщил, что бумаги комиссии ещё не вернули из хозяйственного отдела.

— Мы можем оставить запрос, — сказал он. — Но оригиналы сегодня не получите.

— Нам нужна отметка о приёме запроса и список документов в деле, — ответила Ася.
— Не сами бумаги.

Служащий посмотрел на Никиту, потом снова на неё.

— Вы родственники?

— Нет.

— Тогда доверенность от Северина нужна, если запрос будет касаться его учётной записи.

Никита шагнул к стойке.

— Я подпишу.

— Не здесь, — остановила его Ася. — Сначала пусть укажут, какие материалы готовы выдать по запросу третьего лица. Иначе ты разрешишь неизвестно что.

Он отвёл руку от стойки. Служащий постучал ногтем по журналу, словно эта пауза его раздражала, но всё же достал бланк.

— Дело комиссии закрытое до окончания сверки.

— На каком основании? — спросила Ася.

— Так указано в карточке.

— Карточку можно посмотреть?

Он не ответил сразу. Затем встал и скрылся за дверью. Вернулся с тонкой серой папкой и положил её на стойку, придерживая ладонью.

— Только карточка. Не дело.

Ася прочла заголовок, дату регистрации и перечень приложений. Внизу стояла помета: «Сверка по заявлению о пропаже имущества». Рядом с ней — номер, который она уже видела в копии ведомости, но приняла за номер внутреннего поручения.

— Здесь написано, что сверка начата до списания, — сказала она.

Никита наклонился к карточке, не касаясь её.

— За два дня?

— Да.

Служащий забрал папку, однако Ася успела переписать номер и дату. Она попросила заверить копию карточки. Тот отказал: по правилам копии из закрытого дела не выдавались. Тогда она попросила внести в запрос отдельный пункт — предоставить заверенную выписку из журнала регистрации комиссии, где указаны дата поступления и основание сверки.

— Это всё равно может занять несколько дней, — сказал служащий.

— Отметьте срок рассмотрения. Не срок выдачи.

Он поднял на неё глаза, узнав знакомую формулировку. Спорить не стал и поставил штамп на втором экземпляре запроса.

На улице Никита достал из папки сложенный лист и долго разглаживал его о ладонь.

— Это список смен за тот год. Я нашёл его дома. Не знал, пригодится ли.

Ася посмотрела на бумагу. Карандашные фамилии, даты, несколько пометок о заменах. На одной строке значилось: «Северин — подмена, бригада у Рыбной». Фамилии бригадира не было, зато ниже стояла приписка: «инструмент сдать К. Р.»

— Ты принёс это утром? — спросила она.

— Да. Хотел показать Корнееву, но мы смотрели книги и ведомость. Решил не смешивать.

Она одобрила это молчанием и попросила дать лист на минуту. В правом углу стояла дата, на обороте — бледный прямоугольник от старой печати. Документ не доказывал, что Никита получил фонари, и не называл того, кто их унёс. Но он подтверждал, что в день работ Никита числился на замене в бригаде у Рыбной улицы.

— Эту бумагу нельзя отдавать без описи, — сказала Ася. — Сначала сделаем копию, а оригинал ты сохранишь у себя.

— Ты думаешь, она что-то меняет?

— Меняет одно: теперь у нас есть основание искать состав бригады не только по памяти. И ещё один документ, который нельзя подгонять под ответ.

Никита осторожно сложил лист по прежним сгибам.

— Я всё равно не помню, кто был рядом.

— Это не делает список бесполезным.

Он посмотрел на неё, будто хотел спросить, верит ли она ему. Вопрос так и не прозвучал. Ася была благодарна за это: вера не заменила бы ни записи, ни фамилии, ни проверки.

Они остановились у витрины переплётной мастерской. За стеклом лежали стопки бумаги, стянутые бечёвкой; на подоконнике сохла деревянная линейка. Никита предложил зайти и сделать копию, но Ася покачала головой.

— Не сегодня. Нужна копия с отметкой о происхождении, а не просто лист, похожий на старый.

— Значит, запросим у управления заверенную выписку, а список приложим к нему?

— Только копию. Оригинал не отдавай, пока не узнаем, как его примут и кто будет хранить.

Он поморщился, но кивнул. Между ними снова возникла рабочая ясность — не доверие без условий, а согласие не торопить выводы.

Ася внесла в блокнот номер карточки, дату начала сверки и отметку о закрытом статусе дела. Комиссия проверяла пропажу ещё до того, как имущество списали; оставалось выяснить, завершилась ли проверка к моменту списания и было ли оно основано на её результатах. Кто-то знал о недостатке раньше, но из одной карточки нельзя было понять, кто и что именно сообщил.

— Завтра вернёмся за ответом по запросу, — сказала она. — А сегодня найдём, как получить список состава бригады официально.

Никита прижал папку к боку.

— И не будем делать вид, что моя фамилия в книге ничего не значит.

— Не будем. Но и не позволим ей значить больше, чем там написано.

Он посмотрел на неё и впервые за день улыбнулся — коротко, без облегчения.

— С этим я согласен.

Ася закрыла блокнот. Их положение изменилось не в сторону оправдания или обвинения: теперь они знали, что проверка началась раньше списания, и могли проследить её по регистрационному следу. На этот раз вопрос был не в том, кто чувствовал себя виноватым, а в том, кто первым сообщил о пропаже и почему это сообщение не стало официальным актом.

Наутро Ася пришла в управление городских работ с двумя чистыми бланками запроса и записанными в блокноте номером и датой карточки закрытого дела. Никита уже ждал у входа. Он держал папку под мышкой, а в другой руке — сложенный вчетверо лист.

— Нашёл что-нибудь? — спросила она.

— Старый адрес бригадира. Рыбная, восемнадцать. Он давно не живёт там, но в домовоей книге осталась отметка о переезде.

— Это может пригодиться, — сказала Ася. — Но сначала — запрос. Не будем искать человека, пока не выяснили, какие записи вообще должны существовать.

Никита развернул лист. Внутри оказался аккуратно переписанный список фамилий, без подписей и пометок.

— Мой отец когда-то составлял такие списки для бригад. Я помню часть фамилий. Эту переписал по памяти.

Ася прочла их, не задерживаясь на знакомых именах.

— В запросе укажем, что это справочная запись со слов заявителя. Не приложение к делу.

— Ты всё время находишь способ оставить меня на бумаге.

— Я оставляю на бумаге источник сведений. Это не одно и то же.

Он убрал лист обратно в папку. В его взгляде мелькнуло недовольство, но спорить он не стал.

В приёмной пахло мокрым камнем и дешёвым мылом. За окошком сидела женщина с короткими седыми волосами и стопкой регистрационных карточек. Она выслушала Асю, сверила номера документов и вернула один бланк.

— Состав бригады хранится при наряде на работы. Вам нужна заверенная выписка из наряда и отметка о том, кто его составлял. Запрос на материалы проверки подаётся отдельно.

— А если наряд передавали в архив вместе с делом?

— Тогда укажите оба места хранения. Я зарегистрирую запрос здесь, а копию направлю в архивный отдел.

Женщина постучала пальцем по второму бланку.

— Тут написано «список участников». Это не название документа.

Ася зачеркнула формулировку и вписала: «Наряд на замену фонарей по Рыбной улице за указанную дату, включая лист состава бригады и отметки о приёмке». Потом добавила отдельной строкой: «Акт первичной проверки недостачи и регистрационные сведения о его поступлении».

— Так понятнее, — сказала служащая. — И точнее.

Она поставила дату и номер на обеих копиях. Ася дождалась, пока чернила высохнут, прежде чем убрать листы в папку.

— Срок? — спросила она.

— По выписке — до пяти рабочих дней. По материалам проверки может быть дольше: часть старых дел передавали на хранение без описи.

— Зафиксируйте и это.

Служащая посмотрела на неё внимательнее, но спорить не стала. На копии появилась короткая приписка о передаче запроса в архив.

В коридоре Никита остановился у окна.

— Пять дней, — сказал он. — И если описи нет, всё может затянуться.

— Может. Но теперь запрос зарегистрирован. Мы знаем, когда его приняли и куда передали.

— А если в наряде окажется моя фамилия?

— Тогда будем выяснять, что именно она подтверждает.

Он отвёл взгляд. За окном рабочие снимали с тележки новые стеклянные плафоны. Один задел край борта, качнулся, но мужчина успел подхватить его обеими руками. Никита следил за этим движением так внимательно, будто от него зависело, разобьётся ли что-то ещё.

— Я помню тот день, — проговорил он. — Не весь. Фонари, лестницу, холод в пальцах. Но не помню, когда ушёл. И кто оставался после меня.

— Ты говорил это раньше.

— Теперь это прозвучало иначе. Если в наряде будет моя подпись, ты не решишь, что я лгу?

— Подпись подтвердит, что кто-то подписал документ от твоего имени. Чтобы подтвердить, что это сделал ты, нужен оригинал и проверка.

— А если почерк совпадёт?

— Тогда это будет основанием задать тебе вопросы. Не ответом на них.

Никита помолчал.

— Ты умеешь говорить так, чтобы никому не стало легче.

— Иногда легче становится после того, как перестаёшь выдавать догадку за факт.

Он усмехнулся без веселья и снова прижал папку к боку.

В читальном зале архивного отдела им разрешили просмотреть открытый справочник поступлений, но не сами дела. Ася нашла нужный год, затем раздел по городским работам. Указанный номер дела значился в передаточной описи. Рядом стояла пометка: «Первичная проверка. Материалы переданы из участка Рыбной улицы». Ни фамилии проверявшего, ни точного числа.

— Вот и ответ, — сказал Никита. — Проверяли на участке.

— Это ещё не ответ. Только место, откуда дело передали.

Ася переписала шифр, а затем сверилась с карточкой закрытого дела. Номер совпадал, но точная дата поступления стояла только на карточке. Определить интервал между передачей и регистрацией по этим записям было нельзя.

Она показала записи Никите.

— Значит, материалы проверки могли существовать раньше, чем их зарегистрировали в управлении? — спросил он.

— Или здесь дата передачи, а не составления. Пока не увидим сам акт, выбирать между этими версиями нельзя.

Архивист, пожилой мужчина в сером жилете, услышал их и подошёл к столу.

— В старых книгах даты ставили по-разному. Иногда записывали день, когда дело забрали с участка. Иногда — когда его приняли на хранение.

— Можно проверить журнал передачи? — спросила Ася.

— Можно запросить. Но он в другом фонде, и искать по одному номеру там бесполезно. Нужна фамилия передававшего или точная дата.

Никита раскрыл папку и достал переписанный список.

— Рыбная улица, бригадир — Осипов. Может быть, он передавал?

Архивист посмотрел на лист, но брать его не стал.

— Может быть. А может, передавал заведующий участком. Я не буду гадать по фамилии, которую вы принесли на бумаге.

Ася почувствовала, как Никита напрягся рядом. Она понимала его: ему хотелось, чтобы найденный след наконец стал дверью, а не ещё одной полкой за закрытым стеклом. Но архивист был прав.

— Мы запросим журнал по делу и укажем все известные даты, — сказала она. — Если понадобится, приложим заверенную выписку из карточки.

— Это правильно, — ответил архивист. — Только не пишите, что материалы скрыли. Для такого вывода здесь пока ничего нет.

— Мы и не пишем.

На выходе Никита задержался у лестницы.

— Я считал, что всё началось с недостачи. Потом решил, что кто-то прикрыл её списанием. Теперь выходит, что проверка могла начаться раньше.

— Это первое объяснение, — сказала Ася. — Оно оказалось слишком простым. Но не обязательно ложным целиком.

— Удобно.

— Нет. Просто ошибка не обязана превращать всё, что мы знали, в неправду.

Он сжал папку сильнее. На этот раз Ася заметила, что выцветшая тесьма лопнула у узла. Никита попытался затянуть её, но ткань расплзлась, и папка раскрылась. Листы не выпали: он успел подхватить их ладонью.

Ася придержала крышку, пока он связывал папку заново.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Но это лучше заменить, прежде чем носить оригиналы.

— Оригинал здесь только один. Лист, который нашли у меня дома.

— Тем более.

Он завязал узел и посмотрел на неё.

— Ты думаешь, я его сохранил потому, что знал, что он важен?

— Я думаю, ты сохранил его. Почему — пока не знаю.

Никита медленно кивнул. Вопрос остался между ними, но теперь он не пытался заглушить его признанием вины или торопливым оправданием.

Ася убрала в папку копии зарегистрированных запросов. Они не нашли ни фамилии того, кто сообщил о пропаже, ни самого акта проверки. Зато теперь у расхождения между датами был точный документальный след, а у следующего шага — номер регистрации и срок ответа. Первое объяснение больше не годилось как готовый ответ; вместо него у них появилось дело, которое предстояло восстановить по нескольким разным книгам.

На улице уже темнело, хотя до вечера оставалось не меньше часа. Низкие облака закрыли свет, и фонари вдоль управления зажглись один за другим, бледные, ещё неуверенные. В мок-рых углублениях мостовой дрожали жёлтые отражения.

Никита остановился у калитки.

— Ты домой? — спросил он.

— Сначала в контору. Нужно оформить запрос в управление хранения и приложить выписку из карточки. Если отложить до завтра, завтра появится новая причина отложить ещё на день.

— Я пойду с тобой.

— Не обязательно.

— Знаю.

Он сказал это спокойно, без прежней торопливости, будто заранее приготовился услышать отказ и не собирался спорить с ним. Ася посмотрела на его папку. Выцветшая тесьма снова распустилась, хотя узел держался.

— Тебе всё-таки нужно купить новую ленту.

— Это сейчас самое простое из того, что мне нужно сделать.

— Простое не значит неважное.

— Я запомню.

Они пошли к остановке. Некоторое время слышался только шум шин и drobный стук воды по козырькам. Североград в этот час становился теснее: люди торопились под крыши, продавцы закрывали ставни, из открытого окна булочной тянуло тёплым тестом и пережжённым сахаром.

— Ты не спросила, — сказал Никита.

— О чём?

— Почему я сохранил лист.

Ася повернула голову.

— Этот вопрос остался открытым.

— Я думал, ты спросишь сразу.

— Если человеку нужно, чтобы его спросили, он может сказать это прямо.

Никита усмехнулся, но улыбка вышла короткой.

— Ладно. Я сохранил его, потому что в тот день понял: он может понадобиться. Не для расследования. Тогда я не думал о расследовании.

— Для чего?

— Для подтверждения, что я не выдумал разговор с Осиповым.

— Какой разговор?

Автобус подошёл к остановке, и двери открылись с тяжёлым шипением. Никита пропустил Асю вперёд. В салоне было тесно, на окнах стоял мутный пар. Они встали у задней двери, держась за холодный поручень.

— В тот день он пришёл ко мне после смены, — сказал Никита. — Сказал, что на участке не хватает деталей для фонарей. Не тех, которые выдают на замену, а старых креплений и защитных колец. По его словам, несколько улиц могли остаться без света до зимы.

— И ты согласился помочь?

— Я согласился посмотреть бумаги. Потом он принёс список. Там были номера, часть из которых я видел раньше. Он сказал, что если я подпишу согласие на временное использование семейного фонда, детали можно будет забрать до официального решения.

Ася не перебила его.

— Что значит «семейный фонд»?

— Я не знал точно. В доме хранились бумаги деда и его отца. Некоторые вещи считались общими, хотя никто толком не объяснял, что именно это означает. В детстве мне говорили: если в городе случится опасность, старшие Северины могут дать согласие на использование запасов. Не распоряжаться ими без ограничений, а дать разрешение на конкретный случай.

— Кто сказал?

— Дед. Один раз. Когда мне было пятнадцать.

— А взрослый человек, у которого ты подписал документ, что сказал?

Никита посмотрел на запотевшее окно. За стеклом проплыл ряд закрытых мастерских.

— Осипов сказал, что это обычная формальность и что всё равно потом оформят задним числом. Я спросил, что будет, если не оформить. Он ответил: тогда люди останутся без света, а виноватым сделают того, кто испугался поставить подпись.

Ася почувствовала раздражение, но не на него одного. В этой фразе было слишком много готовой вины, чтобы она могла остаться случайной.

— Ты подписал?

— Да.

— Полностью прочитал?

— Первый лист.

— А остальные?

— Он сказал, что там перечень деталей и технические условия. Я торопился. У меня через час должен был быть поезд к матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.